

ПЕРЕВЕРНУТЫЕ НЕБЕСА

ХРУШИТЕЛЬ

ЕВГЕНИЙ БАЗАРОВ

Перевернутые небеса

Евгений Базаров

Перевернутые небеса. Хранитель

«Автор»

2023

Базаров Е.

Перевернутые небеса. Хранитель / Е. Базаров — «Автор»,
2023 — (Перевернутые небеса)

Мало иметь силу, важно понять, для чего эта сила была дана.Продолжение
приключений Андрея Гурова.

© Базаров Е., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	21
Глава 4	27
Глава 5	38
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Евгений Базаров

Перевернутые небеса. Хранитель

Глава 1

– Путешествие в прошлое неопасно для вашего будущего. Прошлое невозможно изменить, это не под силу даже творцу. Можно лишь создать еще один, параллельный вариант развития событий, который никак не будет связан с вашим. Но учтите, что отныне, ваше сознание будет присутствовать и там, и тут, правда вы об этом никогда не узнаете.

Странник

Потерявший память

Северная провинция Римской Империи

Андрей пришёл в сознание на широком песчаном пляже, на берегу совершенно незнакомой ему реки. Пляж упирался в крутой и очень высокий, заросший сосновым лесом обрыв. Как он оказался на этом берегу, и как долго здесь лежит, он понятия не имел. Да и вообще, где он? Андрей абсолютно ничего не помнил. Ничего, кроме своего имени.

Осмотревшись, он увидел, что его рука, крепко сжимает какой-то, похожий на звезду с восемью лучами, с большим, испещрённым надписями камнем посередине, предмет. Машинально, совершенно не думая, на одном только инстинкте, Андрей вставил эту звезду в пряжку широкого кожаного пояса.

«Зачем я это сделал?» – подумал он уставившись на пряжку.

Где-то в глубине сознания мелькнула мысль: "За тем, чтобы звезду не было видно постороннему взгляду».

«Однако! Значит, следует пока положиться больше на инстинкты, чем на память и разум. Сейчас, руки знают что и как нужно делать, гораздо лучше, чем голова.»

В затылке вдруг засвербило и отдалось острой болью.

Мужчина обхватил голову руками и закачался – голова была совершенно пустая, как бубен. Ни одной мысли, на которой можно было бы сосредоточиться. Как будто только что родился и не жил ещё никогда. Совсем!

Ощупывая затылок, пальцы погрузились во что-то липкое, Андрей посмотрел на руки. Руки были в крови, и только теперь, он во всю силу почувствовал острую боль в затылке, оглянулся по сторонам и заметил лежащий на песке камень, и приличную лужу крови под ним.

На нем же были широкие холщовые штаны с широким поясом, и всё, больше ничего не было, ни сапог, ни рубахи.

«Куда идти? Попробовать забраться на обрыв, или пойти по пляжу, – думал Андрей. – Опять же, в какую сторону?»

Он бросил в воду ветку, и определил направление течения реки.

«Так, значит я на правом берегу, вот только бы еще знать, что это за река? Места какие-то совсем уж дикие.»

Поскольку забраться на обрыв с отрицательным уклоном и скатывающимся под ноги песком, за который невозможно было зацепиться, у Андрея не получалось, он оставил эту попытку. Повертевшись немного по берегу, решил идти вниз по течению до поворота, там река резко уходила в право и терялась из виду.

За поворотом, река текла совсем близко к обрыву и пройти дальше по берегу, было не возможно.

«Как ни крути, а придётся осваивать обрыв.»

Примерно с десятой попытки Андрею удалось зацепиться за свисающий корень и кое-как взобраться.

С обрыва было видно гораздо лучше и дальше. Вверх по течению реки, если идти по краю обрыва, можно упереться в какой-то бурелом. Если пойти вниз по течению, то упруешься в небольшую протоку с сильным, закручивающим водовороты течением. Тоже не вариант. Андрей даже не знал, умеет ли он плавать, а испытывать судьбу почему-то желания не было. Пойти куда-то в глубину леса, тоже не вариант. Кто знает, какие зверюги водятся в этом лесу.

Выше по течению реки показалась какая-то точка. Течение в реке было довольно сильное и вскоре, точка превратилась в большую, выкрашенную в красный цвет ладью.

«Ну наконец-то», – обрадовался Андрей и привлекая внимание работающих в ладье вёслами людей, замахал руками.

Эй, на лодке! – орал он. – Давай, гребь к берегу! Я здесь!

Сидящие гребцы, услышав с обрыва крик мужчины, все как один перестали грести и повернули в его сторону головы.

Ладья повернула к берегу и уткнулась носом в песок. Однако сидевшие на вёслах люди смотрели на Андрея с каким-то настороженным вниманием и прикрылись самыми настоящими щитами. Похоже, они в любой момент готовы были отплыть от берега.

«Это ещё что за клоуны?» – удивился он.

– Эй, – крикнул здоровенный, одетый словно викинг бородатый детина с копьем в руке. – Ты кто такой? Чего надо? Слезай вниз, иначе разговора не будет! – приказал детина.

У Андрея почему-то вдруг возникло какое-то неясное беспокойство. Чувство тревоги и близкой опасности. Спускаться с обрыва ему вдруг резко расхотелось. Он затравленно оглянулся.

«Хреново. Бежать то некуда», – посетила его голову первая за всё время мысль.

У его ног воткнулась стрела с пестрым оперением.

– Слезай, тебе говорят! – орал здоровяк. – Дёрнешься, стрелу меж глаз схлопочешь.

«Ну уж, хрен вам ребята», – Андрей рухнул на траву и словно уж, уходя из-под линии обстрела пополз за деревья.

Мужики в ладье переглянулись.

– Может, возьмём? – спросил свою ватагу здоровяк. – Видать не прост, вона какую прыть проявил.

– А если он там не один? – засомневался сидящий на весле поменьше ростом, похожий на сморчка мужичек.

– Тем более брать нужно, – ответил здоровяк.

– Ты Комар не боись. Мы же не здесь на обрыв полезем. Зайдём в протоку и на пологом берегу, там где кусты, высадимся, да и возьмём их тепленькими. Отсюда ведь только один путь – рекой.

Ладья демонстративно отошла от берега и ушла куда-то вниз по течению.

Андрей наблюдал за их маневром из-за дерева. А когда ладья скрылась из вида, подошёл к краю обрыва и подобрал выпущенную в него стрелу. Какое-то смутное воспоминание, шевельнулось где-то внутри сознания и тут же, так и не обретя ясность, исчезло.

«Блин, могли же и подстрелить, – вертел он в руках стрелу. – Ни хрена не помню, но нужно быть осторожным. Серьезные дядьки, по этой речке на лодочках плавают, однако.»

В животе заурчало и к головной боли, прибавилось ещё и чувство голода.

Андрей не знал, что он находится на заросшим лесом большом острове посреди реки. А вот мужики на ладье, этот факт знали и учли. Они обогнули остров спустившись ниже по течению и поднялись вверх с другой его стороны.

Когда Андрей наконец увидел как со стороны леса к нему подбираются вооруженные копьями и луками люди, он недолго думая, съехал с обрыва к реке, прямо под ноги выпрыгнувшему из засады, заросшему волосами так, что на лице были видны одни лишь голубые как небо глаза, здоровенному детине.

– Не трепыхайся, а то приколю как червяка, – уперев копьё в живот Андрея, он неожиданно заехал ему пинком прямо в лоб и когда тот отключился, связал ему сыромятным ремешком за спиной руки.

– Ты дурак что ли, Первак? Кто тебя так бить пленника учил? Ты же товар испортил, балбес. Зачем ты ему голову проломил? – возмутился главарь ватаги. – Вот куда его теперь? Он же не жилец с такой раной. Только рыб кормить.

– Да не я это? – оправдывался обалдевший от такого несправедливого наезда Первак. – Я ему в лобешник подошвой сапога заехал. Вон, у него даже шишки не осталось. А башка у него уже итак разбитая была. Я когда ему руки вязал, сразу кровяную на затылке заметил. Аж мозги видно было.

– Ну так, на хрена ты его тогда снова по башке то ударил, балда? Ткнул бы копьём под дых, да связал пока корчится. Ты ж, вон какой здоровый. Как медведь, а на него глянь. Ух! Как бы дал бы тебе! – замахнулся главарь.

Первак отшатнулся и прикрыл от удара голову своей медвежьей лапой.

– Вот ты теперь и будешь его таскать, пока либо не оклемается, либо не сдохнет. И лучше, что б оклемался, – рывкнул главарь на Первака. – Зря мы что ли по острову бегали? Волоки его в лодку, да смотри, не ушиби ещё раз.

Андрей весь этот диалог слышал, но до поры делал вид, что всё ещё находится без сознания. Однако слишком долго притворяться было нельзя, а то чего доброго и вправду, за борт связанного выкинут.

Увидев, что пленник лупает глазами, Первак обрадовался ему как родному.

– На вот, выпей, – сунул ему бугай берестяную фляжку с вином и даже заботливо придержал голову, пока тот жадно пил это кислое пойло.

Увидев, что пленник очухался, к ним подошёл главарь.

– Ты лежи, не суетись, – посоветовал он пленнику. – С твоей раной, лучше лишний раз не рыпаться. Скажи лучше, кто ты и как на острове оказался?

– Да я и сам не знаю, – ответил Андрей. – Память у меня отшибло. Помню лишь как меня зовут.

– Бывает, – буркнул в бороду самый пожилой из мужиков. – Нукошь, дай посмотрю, что тут? – отодвинул он детину.

– Да как ты еще жив то, парень, – удивился он, ощупывая кровоточащую рану на голове Андрея. – Вообще-то с такими ранами не живут, немудрено, что себя забыл. Потом достал из притороченной к поясу котомки лепешку, отломил кусок, засунул в беззубый рот, пожевал немного, и залепил жеванным хлебом рану.

– Ему к Олёне надо бы, – сказал старик. – Она такие раны умеет врачевать, тут как раз не далеко, вверх по протоке.

– А и верно. Олёна то пожалуй, и впрямь его на ноги поставит, – хлопнул себя по лбу главарь. – Разворачивай ладью, мужики. Айда к Олёне.

До Олёны было и в правду недалеко, вот только, грести приходилось против течения, но гребцы, по-видимому, были к этому делу привычные, и примерно через час, лодка вошла в основательно заросшую кустарником, небольшую и тихую бухту, на пологом берегу которой стояла древняя, почерневшая от времени, избушка бабки Олёны.

Сама бабка, страшная как смерть, стояла на невысоком пригорке, и приложив ко лбу костлявую руку, пыталась рассмотреть сквозь лучи, заходящего на западе солнца, своих неожиданных гостей.

– Здравствуй, Олена, – поздоровались с бабкой главарь и старик, который осматривал рану Андрея.

– Здравствуй Овлур, здравствуй Ёрш, – ответила старуха каждому по отдельности.

Овлур, так звали главаря ватаги, поднял за плечо лежавшего на дне лодки пленника, и тычком кулака в спину, придал ему направление в сторону бабки.

Андрей прыгнул с высокого борта на песок, и едва не завалился на бок, прыгнувший следом Овлур, успел его удержать и подвести к старухе.

– Вот, – сказал Овлур. – На берегу подобрали, у него рана серьезная на голове, Ёрш говорит, не жилец, а мне так не кажется. Выживет, к себе возьму, с виду крепкий, мне пара лишних рук не помешают, посмотри, что с ним, может всё же, зря его с собой тащим.

– Да не жилец он, – пробурчал Ёрш. – Мозги наружу торчат, толи я мало таких ран повидал на своём веку?

– А чего ж вы его связанным то держите, раз он не жилец? Али опасаетесь? – проворчала Олёна.

– Так, мы как-то забыли развязать, – смутился Овлур и разрезал на руках пленника ремешок.

– Тащите его в дом.

Андрея заволокли в дом, и усадили на широкую лавку, раненым затылком к окну.

Старуха достала из глиняной миски деревянную лопаточку, и осторожно стала соскребать с раны засохшую кровь и хлебный мякиш, которым Ёрш залепил дыру, в пробитой голове.

Под мякишем к великому изумлению старухи, показалась тонкая розовая пленка нарощей на месте раны кожи, под которой еще виднелись недавно сросшиеся кости.

У наблюдавшего за старухиными манипуляциями Ерша полезли на лоб глаза.

– Не может быть этого, – прошептал он. – Не может рана так быстро затянуться, и кости срастись.

Ёрш смотрел на Андрея с суеверным ужасом.

Старуха помяла пальцами кровь с волос Андрея, понюхала.

– Кровь совсем свежая, – сказала она.

– Может, не его? – усомнился Овлур. – Я говорю, может это не его кровь то, может он порешил кого? Берег то мы не осмотрели как следует.

– Его кровь, я же при тебе рану хлебом затыкал. Ты что не видел, что ли, как хлестала? – возмутился Ёрш, обиженный тем, что его тут выставляли дураком.

– Может, он оборотень? – высказал предположение Овлур, и на всякий случай коснулся рукой рукояти, заткнутого за пояс топора.

Ерша, как ветром сдуло, так быстро он отпрыгнул от Андрея.

– Топор против оборотня, что фига против медведя, – сказала старуха, заметив движение Овлура.

Весь этот странный разговор происходил в присутствии Андрея, но так, как будто его тут и не было вовсе.

– Кто это его так? – спросила бабка.

– Кто его знает? – ответил Овлур. – Он сам не помнит ничего, кроме своего имени – память отшибло.

– Ну, а имя то его какое? – стала терять терпение старуха, устав клещами вытаскивать из мужиков хоть какую-то информацию.

– Как зовут то тебя, слышь? – пихнул Овлур сидевшего как истукан Андрея.

– Андреем кажется, – ответил Андрей не совсем уверенно. – Вроде так.

– Имя то у него не простое, княжеское, – сказала старуха.

– Что-то, не похож он на князя, – усомнился Овлур. – Ни одежды приличной, ни оружия. И на воина не похож, вон, на теле то, ни одного хоть маломальского шрама нет, так не бывает. Хотя статью вроде и воин.

Телосложение Андрея явно указывало на систематические физические упражнения, чем простые люди в этом мире не увлекались. Такие занятия были исключительной прерогативой воинов, причём воинов далеко не простых.

Люди этого времени конечно хилыми не были и могли свободно поменяться силой даже с медведем, но это была грубая сила. Сила же Андрея явно просматривалась в его скрученных как канат жилах и любой сразу понимал, насколько опасным может быть такой человек.

– Ты сам видел, как на нем раны заживают, – сказала старуха.

Овлур задумался, да и было отчего. Здесь имена просто так, по своей прихоти не меняют, и если назвался Андреем, значит так оно и есть, значит так его и нарекли. И имя это княжье. А если этот человек княжьего рода, то с ним и вести себя необходимо подобающим образом, мало ли, что он память потерял, сейчас то всё помнит, что вокруг него происходит. Да и сообщить надо кому следует, до князя то далеко.

Овлур был старшим в поселке, стоявшем, как и ещё несколько других селений кольцом вокруг Сарая с оружием и амуницией для войска, охранявшего княжеские рубежи. В случае нападения, все взрослые мужчины этих селений, обязаны были встать на защиту Сарая, и оборонять его до подхода находящегося в дозоре войска.

Сам Овлур, как и остальные жители, не был воином, но кое-каким оружием владел очень даже не плохо, например, топором. Один раз в году, сразу после сбора урожая, все мужчины, под руководством выделенного из войска инструктора, проходили военную подготовку. Учились оборонять Сарай, и биться в плотном строю, на случай серьезного нападения. Все эти новшества, ввел ныне здравствующий, хотя и изрядно постаревший князь Гостомysl. И как показывала практика, не ошибся. Нигде в округе больше не было такого организованного и обученного войска как у него.

За всю свою жизнь, Овлуру ниразу, не довелось видеть князя, и он не мог поэтому определить, являлся ли Андрей человеком княжьего рода, или нет. Он мог быть и из соседнего с ними княжества, дальним родственником, но поскольку Гостомysl в данное время не вел ни с кем боевых действий, то и врагом он тоже быть не мог.

– Дома разберемся, – сказал Овлур. – Спасибо тебе Олёна, на обратном пути подарки завезу.

– Ну, чего сидеть тут, раз здоров? Пошли в лодку, – позвал Овлур Андрея. – Пока до дому доберемся, может вспомнишь чего-нибудь.

– А если он всё-таки оборотень? – подал из угла голос перепуганный Ёрш.

— Не бойсь, – проскрипела старуха. – Не оборотень, я бы учуяла.

Когда гости ушли, Олёна тихонько позвала.

– Выходи, что ли. Опять дрыхнешь?

Из-за огромной, стоящей посреди дома печи, вылез опрятно одетый седой старичок, ростом с лавку, на которой недавно сидел Андрей.

– Ну? – спросила старуха. – Слышал?

– Странник это, – ответил старичок. – Тот самый, о котором Мизгирь предупреждал – эго, куда его занесло. У него, почти вся сила иссякла при перемещении, и память пропала, но это временно, и то, и другое, постепенно к нему вернется.

– Надо наших предупредить, – сказала старуха. – А люди, об этом до времени знать не должны.

Рубежное поселение

До селения плыли в низ по реке, и грести особо не приходилось. На ночь не останавливались, спали тут же, на скамьях. На веслах оставалось лишь четверо гребцов да кормчий у кормового весла. Рана на голове Андрея уже затянулась, и о том, что совсем недавно у него был проломлен череп, говорила лишь маленькая ниточка шрама, который тоже должен будет скоро исчезнуть.

Утром третьего дня, лодка причалила к берегу.

– Прибыли, – крикнул Овлур.

Люди по очереди, чтобы не замочить понапрасну ног, сошли на усыпанный мелкой галькой берег, и все вместе вытащили лодку на сушу. Пока они возились на берегу, к ним уже бежали наперегонки с огромного роста волкодавами босоногие ребятишки. Овлура окружили сразу четверо белобрысых сорванцов.

– Тятя, чего привез? – тянули они ручонки к сумам, выгруженным на берег.

Овлур гладил их огромными, как совковая лопата руками по головам.

– Привез кое-что, дома посмотрите. А мамка где? – спросил он у самого старшего пацана.

– Мамка, сегодня утром сестренку в капусте нашла, – сказал пацан.

Мужики засмеялись.

– С прибавлением тебя, Овлур, что ли.

Собаки, учуяв Андрея сунулись было к нему, но через мгновение поджав хвосты отскочили, и теперь ходили поодаль, косясь на него и утробно рыча.

Мужики опасливо переглянулись между собой. Мысль, высказанная Овлуром насчет оборотня, не давала им расслабиться, а присутствие в поселении Андрея изрядно напрягало.

До выяснения всех связанных с Андреем обстоятельств, Овлур поселил Андрея в своем подворье, а сам, тут же отправил в войско гонца с вестью: о своей странной находке, то ли княжича, то ли еще кого.

«Пускай Атаман разбирается», – решил Овлур. Мечта занять себе работника рассыпалась в прах.

Атаман

Атаман с десятком одетых в легкие кожаные, по случаю жары доспехи, прибыл в селение через сутки.

– Ну, Овлур, показывай свою находку, – приказал он старшине передавая подбежавшему мальчишке повод своего боевого коня. – Коня напои.

Мальчишка счастливый, еще бы, настоящий боевой конь, повел его к колодцу. Запрыгнуть на него он и не подумал. Знал, боевой конь не потерпит на своей спине чужака, скинет, и затопчет копытами.

Овлур велел привести сюда Андрея.

Андрей вышел на улицу и остановился. На него с удивлением смотрели все, собравшиеся тут по такому случаю жители поселения. Приехавшие воины, тоже с нескрываемым интересом разглядывали его, пытались определить по облику, манере держаться, его принадлежность к княжескому роду.

Атаман, уже узнавший от Овлура о том, что Андрей ничего не помнит, не стал задавать ему лишние вопросы, а сразу же приступил к делу.

Он не впервые в своей жизни встречает потерявших память людей. Здесь, где человека то и дело лупят со всей дури железом по голове, хоть и в шлеме, это явление не было редкостью. Но ещё, Атаман знал по опыту, что, если даже человек и ничего о себе не помнит, некоторые основные навыки, у него все же остаются.

Княжичей же военному искусству обучают с раннего детства и этот основной навык, так или иначе, проявится.

– Оружие раньше в руках держать приходилось? – на всякий случай спросил атаман.

Андрей в ответ лишь пожал плечами: «Не помню я».

Атаман протянул ему меч.

– Держи, посмотрим, кто ты такой есть, – сказал он, и отошел на несколько шагов, давая Андрею возможность размяться и почувствовать оружие.

Андрей взял меч, покрутил кистью.

– Не плох, – он вдруг понял, вспомнил, а точнее почувствовал, что знает, как пользоваться этим оружием.

– Нападай, – крикнул атаман, и сблизил дистанцию. Андрей не торопился нападать, он стоял, чуть прикрыв глаза и полностью отключив сознание, доверяя только инстинктам.

Не дождавшись активных действий со стороны Андрея, атаман решил напасть сам. Он прыгнул, и сократив дистанцию сразу на несколько шагов, нанес удар справа сверху, и зрители, наблюдавшие за поединком, увидели, как меч атамана вдруг выскочил из его руки, и перевернувшись в воздухе, оказался в левой руке Андрея.

Мужчина стоял, и ошарашено смотрел на пустую руку, в которой, еще мгновение назад был его меч.

Андрей молча протянул ему его утерянное оружие.

– Давай еще раз, – приказал атаман.

Он снова ударил Андрея, но уже, обманым движением, в нижнюю часть туловища и снова лишился оружия, вновь невероятным образом, оказавшееся в руке у его противника.

– Прости меня, что усомнился и подверг тебя испытанию, – поклонился атаман.

– Может я и не княжич вовсе, – ответил Андрей.

– Может и нет, только такому бою, простолюдинов не учат, и простых воинов, тоже не учат. Да и бороды у тебя, вон нет. А без бороды, здесь только смерды да князья жить могут. Вот только смерды, бою не обучены. Бритый подбородок, привилегия княжеского рода, – сказал атаман. – Да и имя у тебя подходящее.

Сам он тоже бороды не имел, зато усы свисали почти касаясь груди, волосы на голове были заплетены в тугую, до пояса косу.

Такие же усы и косу, носили и все его воины. Коса защищала шею в бою, перерубить её было не просто. А намотанная в шишак, отлично амортизировала удар сверху по шлему.

– Ты как, с нами теперь поедешь, или у Овлура в селении останешься? – спросил атаман.

Андрей пожал плечами.

– Здесь наверное, – ответил он.

Мужчина облегченно вздохнул, тащить невесть кого в распоряжение войска, ему не хотелось. Не каждому должно быть ведомо сколько воинов у него под копьём находится в спокойное время. Да и вообще, мало ли что может произойти, отвечай потом перед князем за его родича.

В мирный период, у атамана Уруслана охранявшего Сарай, была только конная сотня. Остальные четыре сотни воинов, составлявших его войско, в основном пехоту, были рассредоточены по селениям, которые образовав круг диаметром пятьдесят стрелищ являлись поставщиками продовольствия и фуража для нужд Орды. В некоторых селениях, в которых имелись кузницы, люди занимались производством и ремонтом военных доспехов и оружия.

Овлур являлся главой сразу всех этих поселений, и по сути своей, был заместителем атамана Уруслана по части снабжения, хотя профессиональным воином и не числился.

Атаман позвал Овлура, и они удалились в сторону реки.

– Как думаешь, кто он? – спросил Уруслан.

– Я думаю, что не князь, – уверенно ответил Овлур. – И даже не княжеского рода.

– Это почему? – удивился Уруслан. – Судя по тому, как он бьётся он по крайней мере Ромей, и не из простых.

– Ромей, может быть, – согласился Овлур. – Но не князь, нет у него власти в глазах, той, которую князь с молоком матери получает. Которую ему его пестуны с детских внушают. Он даже на воина не похож. В его глазах все равны и старший и младший и даже смерд. Так не бывает среди людей.

– Не воин, а меня обезоружил. Два раза подряд и кто ж он тогда? Не имея реальной власти, доступа к таким приемам ведения поединка, получить нельзя и ты это знаешь не хуже меня, Овлур.

– Нужно его на грамоту проверить, – сказал Уруслан. – И на хмельное. Понаблюдай как он вино твоё лучшее пить будет. Мнится мне, что он и получше твоего, вино попивал.

– Сделаю, – кивнул Овлур.

– Князю, мы пока ничего говорить не станем, да и далеко до него, – Уруслан задумчиво поглядел на воду. – Если и не княжеского он рода, так это может и к лучшему. Я его в свою дружину возьму, добрый воин будет, мне такие, как он, ой как нужны.

– Понимаю, и постараюсь поскорей вернуть ему память, – ответил Овлур.

Глава 2

Воины Уруслана рысью покинули селение, и оставив после себя клубы пыли исчезли в лесу.

Через два дня, по просьбе Овлура в селение приехали поселковые старшины, и началось гульбище.

На Андрея смотрели с нескрываемым интересом и то как пьет, и то как закусывает, и то, насколько одолевает его хмельное.

Андрей, на чистом инстинкте, пил так, как его когда-то учил Михалыч, когда они ехали по замёрзшей Оби на «Буране». Крепкое медовое вино закусывал салом, и не пьянел. Гости Овлура смотрели на него как на диковину, о чем-то шептались между собой, и наконец, изрядно захмелев, самый здоровый из них вызвал Андрея бороться.

Здоровяка звали Бова. Бова был почти на голову ниже Андрея, но в плечах, пожалуй что, аж в два раза по шире будет. Он сразу схватил Андрея за пояс и грохнул его на землю, вернее это Бова думал, что грохнул. Секундой позже он полетел следом за ним, и теперь он, а не Андрей лежал, больно ударившись об утоптанную землю затылком, прижатый спиной к земле.

Вырваться из железного захвата Андрея, Бова даже и не пытался. Зрители громко заулюлюкали, подзуживая Бову, но тот лежал смирно, выпучив налитые кровью глаза. Овлур удовлетворённый увиденным почесал заросший подбородок.

«Воин, – решил Овлур. – Вот пока все равно только, непонятно чей.»

Хмельное на Руси вещь сакральная, и пить его имеют право лишь воины, или люди, которым надлежит по зову князя становиться в ряды его ратников, такие как он – Овлур.

Простому смертному пить хмельное было нельзя и не потому, что это было запрещено людскими законами, а потому, что так решили боги. Борьба на поясах, тоже удел воина. Вот если бы Андрей на Бову с кулаками полез, тогда бы он без сомнения доказал своё низкое, если не рабское происхождение. Ромейский шпион, посланный Сенатом, вряд ли стал бы открыто демонстрировать свое воинское искусство. А простолюдин, еще бы и захмелел от выпитого так, что на ногах бы уже не стоял. И самое страшное, уподобился бы свинье.

Андрей помог своему поверженному собутыльнику подняться, и они, обнявшись, пошли под навес продолжать попойку. На утро гости не опохмеляясь, свежие, как-будто и не пили всю ночь, разъехались по своим селениям.

Андрей бесцельно шлялся по поселку.

«Вот же напасть, так и убьют когда-нибудь, – думал Андрей стараясь не вляпаться в повсюду наваленные лошадиные катяхи. Он уже заметил, что пешком здесь ходят лишь дети и бабы, а мужики предпочитают передвигаться по селению верхом. Даже если пройти нужно буквально десяток шагов, всё равно верхом.»

Где-то на краю селения зазвенел металл. И не просто зазвенел, а с характерным перезвоном: сначала ударял мелкий молоточек мастера, а следом бухал тяжелый молот молотобойца.

«Кузница», – повёл ноздрями Андрей и уловил знакомый запах окалины. В голове снова что-то вспыхнуло и тут же угасло. Андрей посмотрел по сторонам, секунду раздумывал и решительными шагами направился в сторону кузницы.

– Здравы будьте, – поздоровался Андрей, заинтересованно осматривая кузницу.

– И тебе не хворать, ответил кузнец, опуская в чан с водой раскаленную до бела заготовку. Здоровый бугай молотобоец, помощник мастера, заинтересованно уставился на незваного гостя. Это было что-то новое. Просто так в кузницу никого и калачом не заманишь. Сюда ходили либо по делу, либо обходили это место стороной. По делу, духи смолчат, а за излишнее любопытство могут и наказать. Это кузнец запросто разговаривает с духами огня, а простым смертным, даже думать об этом страшно.

Андрей взял в руки готовый дверной засов, внимательно оглядел его и положив на место взял заготовку меча. Изделие было так себе, ничего выдающегося, и Андрей, скривив в усмешке губы положил её на место.

Однако его усмешка не ускользнула от взгляда кузнеца.

– Не нравится? – спросил он.

– Нет, – честно ответил Андрей. – Мертвое железо, ничего путного из этой заготовки не выйдет.

– А ты никак мастер? – заинтересовался кузнец. Во-первых, этот странный гость был прав и заготовка было так себе, не из лучших. Но это мог сказать и воин. Но воин никогда не скажет про меч, что он выкован из мертвого железа. За такое и спросить могут.

Андрей лишь пожал плечами, он не знал.

– Может покажешь недоумкам, как правильно меч выковать, – съязвил кузнец, видя не решительность Андрея. – Мы вишь, испокон века так куём, может не знаем, чего? – продолжал подзуживать мастер.

Кузнец решил немного передохнуть, а заодно и повеселиться. Не каждый день ему говорят, что он безрукий.

Андрей взял клещи, выбрал подходящую заготовку и сунул её в горнило.

– Качай, – кивнул кузнец подмастерью, и тот схватившись за рычаг двумя руками стал изво всех сил раздувать меха.

– Не балуй, – остановил его Андрей. – Мягче работай.

Кузнец с ухмылкой, скрестив на груди руки, наблюдал за действиями Андрея.

Андрей вытянул из горячего металла несколько кусков проволоки, и стал скручивать их между собой.

Заглянувший как бы невзначай в кузницу белобрысый пацан, побежал докладывать Овлуру, что княжич работает в кузнице как заправский кузнец. И вскоре, весь посёлок собрался поглядеть на художества Андрея. Ближе к кузнице, никто не подходил, ну это и не требовалось. Летняя кузница располагалась под навесом без стен и с пригорка было всё отлично видно и издалека.

А странный гость ковал. Вытаскивал заготовку, бил по ней молотом, снова совал в раскаленное горнило и снова ковал. Ковал, пока на черном металле не проступили светлые полоски узора. Это стала проявлять свой неповторимый узор, самая лучшая сталь в мире, Харалук – Булат. Кузнец, особо уважаемый в селении человек, уже давно потеряв спесь, вертелся вокруг Андрея.

Наконец, Андрей показал подошедшему Овлуру готовое после закалки изделие: слегка изогнутую, со смещенным к лезвию центром тяжести саблю.

– Чудной какой-то клинок, – взял в руки саблю Овлур.

Он попробовал её в руке.

– Ловко, – похвалил он саблю. – Рукоять приторочат, совсем хорошо будет.

– Это сабля, – сказал Андрей всплывшее из уголков памяти название. – Для конного боя.

Овлур приказал принести пеньковую веревку, и разрубив её на множество кусков. – Хороша.

Потом, бросив на клинок конский волос, проверил лезвие сабли на остроту. Под изумленный возглас присутствующих, волос распался на две половинки.

– Харалук, – выдал вердикт Овлур.

– Так ты, кузнец значит, – посмотрел он на Андрея. – Что ж, это по крайней мере хоть как-то объясняет твоё умение владеть оружием. Тебе мог показать пару приемов какой-нибудь заказчик, такое иногда случается, когда заказчик хочет объяснить мастеру, какими качествами должно обладать заказанное им оружие. А мастер ты знатный. Я, пожалуй, даже больше был бы доволен, если бы ты оказался великолепным мастером оружейником, нежели воином.

Кузнец отвел Андрея в сторону.

– Слышь, паря, – зашептал он Андрею на ухо. – Приходи ко мне работать, вместе мы такое сотворим, на золоте кушать будем, за такой меч, как ты сотворил, весь этот посёлок купить можно, и не только этот, но и ещё пару по соседству.

– Это не меч, – сказал Андрей. – А за приглашение спасибо, но я еще пока сам не знаю, кто я на этом свете.

– Кузнец, кто же еще? – удивился мастер кузнечного дела в седьмом поколении. – И не простой кузнец – мастер. Такое выковать, не каждый способен, даже я не могу такое чудо сотворить.

Овлур распорядился оставить Андрея при кузнице, и выковать еще несколько таких сабель. Андрей пообещал показать Овлуру все преимущества конного сабельного боя перед вооруженным мечом всадником.

Через две недели, когда Андрей с помощью кузнеца Веселина, мужика и правда весёлого, полностью оправдывающего своё имя, не торопясь изготовил десяток сабель, правда не харальнойковки, но тоже не плохой, лучше, чем здесь бытовала, закалки.

Овлур собрал все боеспособное население посёлка, на поляне за околицей, где к своему не малому удивлению, Андрей увидел в строю не только одетых в доспехи мужчин, но и женщин с длинными копьями, и топорами за поясом.

– Ну, показывай народу своё чудное оружие, – приказал Овлур.

– Это сабля, – показал Андрей воинам свой необычного вида меч. – Её преимуществом перед мечом является то, что она слегка изогнута, и во время удара на скаку, она не только рубит, но и режет. Попробуйте сами.

Указал он на заранее расставленные вокруг поляны соломенные чучела. Из строя вышел седой как лунь воин по имени Ворон, наверное, когда-то, очень давно, он соответствовал своему имени.

Но теперь, лишь далеко выдающийся нос, говорил о его принадлежности к этому крылатому стервятнику. Он взял в свою лопатоподобную руку, протянутую Андреем саблю, внимательно её оглядел со всех сторон, помахал, рассекая воздух.

– Хороша, – крикнув сказал Ворон. – Только нам то она ни к чему. Мы к пешему бою приспособлены, нам в тесном строю, грудь на грудь, короткий и увесистый топор сподручнее, да и лёгкая она для меня.

– Ну, так я же и говорю, что сабля эта для всадника предназначена, – сказал Андрей. – Ты с коня попробуй, мало ли, вдруг придется.

– Давай Ворон, не бойсь, – подбодрил его Овлур.

Ворон легко запрыгнул на лошадь и полетел рубить чучела.

– Вот это вещь! – восторгался Ворон, когда, порубив чучела в капусту вздыбил коня перед строем пеших воинов. – Сама рубит. Только всё равно не удобно, лёгкая.

Андрей впервые обратил внимание, что местные лошади не имели подков, и что здесь никто не пользовался сёдлами и стременами. Здесь все почему-то использовали для верховой езды только попону. Именно это обстоятельство и не позволяло полностью использовать преимущества лёгкой сабли против тяжелого меча и доспехов. Для того чтобы ударить саблей с полной силой, необходимо было привстать в стременах, которых здесь не было и в помине.

«Овлур знал мечту князя Гостомысла посадить всё своё войско на коней. Теперь Овлуру было с чем представить князю свою находку, – покосился он на Андрея. —

Даже если он и не княжеского рода, а имя ему просто пригрезилось в беспамятстве, человек он безусловно полезный и воин отменный. Он уже окончательно убедился, что Андрей был кузнецом в какой-нибудь далекой от Рима провинции, люди которой владели секретом производства Черной стали, называемой Харалук.»

Осталось только для очистки совести проверить Андрея на знание грамоты, но Овлур был уверен, что кузнец не может знать эту науку, тем более запрещенную для плебеев, латынь. Он и сам не владел латынью, но у него в сундуке хранилась грамота, содержание которой Овлур знал дословно.

– Прочти эту грамоту, – попросил Овлур, когда они с Андреем, теперь уже вполне уважаемым в селении человеком, сидели у него дома за чашкой душистого, заваренного на травах чая.

Андрей взял грамоту, взгляделся в её текст, и в голове у него вдруг что-то вспыхнуло.

– Податель сей грамоты Овлур, является полноправным гражданином Римской Империи, и исполняет обязанности войскового старшины Уруслан Сарая. Подпись – Гостомысл, – прочитал Андрей без запинки.

Глаза Овлура полезли на лоб.

«Выходит, он всё-таки ошибся насчет принадлежности Андрея к роду ремесленников. Но ему ещё не приходилось встречать грамотного, обученного борьбе и фехтованию знатного происхождения римлянина или даже князя, занимающегося на досуге кузнечным делом. И не просто кузнечным, а мастерски умеющим ковать секретную сталь. Как не приходилось видеть и виртуозно владеющего мечом и латынью кузнеца, – голова Овлура пошла кругом, он уже ни в чем не был уверен. – Кто их знает, этих богатых Римлян, чем они на досуге занимаются. В том, что Андрей был именно римлянином Овлур уже даже не сомневался. Сегодня, после Ворона, Андрей на скаку, с двумя саблями в руках, показал такой уровень подготовки, что Уруслану, родившемуся на коне, даже во сне не виделось. Устав ломать понапрасну голову, Овлур махнул рукой. – Будь что будет, – решил он. – Вернется память разберёмся. Если конечно он ее потерял, а не темнит.»

А память действительно потихоньку стала возвращаться к Андрею. И происходило это во сне. На утро он ясно помнил эти сны, и по началу даже испугался, приняв их за побочные последствия от удара головой о камень. Но постепенно он осознал, вспомнил всё, и ужаснулся: «Где он и какова его миссия? Надолго он застрял в этом чужом для него мире, и, что важно, как ему теперь вернуться?»

Андрей вспомнил, вернее осознал, что может легко понимать все языки, и разговаривать на них. Но он никак не мог прочитать надпись на Амulette. Этот язык, стал ему не подвластен.

«Вот попал, так попал, – думал Андрей. – Нужно срочно что-то придумывать, пока аборигены не взяли его в оборот.»

Лапшу им какую-нибудь на уши повесить, откуда он здесь оказался.»

Как только его представят местному князю, его сразу же возьмут в разработку на предмет Римского или еще чьего –нибудь шпиона. Беда была в том, что Андрей никак не мог идентифицировать исторический период, в котором он сейчас находился. Здесь всё было не так, и с этим еще придется разобраться.

Разбираться Андрей начал с того что, ссылаясь на потерю памяти выведать у Овлура политическое устройство мира в который попал. Причём делать это приходилось очень осторожно, чтобы не вызвать подозрение в шпионаже и сборе сведений. Ему открылась совершенно невероятная картина, мир, где Русь являлась северной провинцией Рима, основанного на Босфоре несколько веков назад, правил которой престарелый уже, но мудрый князь Гостомысл, потомок древнего рода божественных царей, когда-то прибывших на Босфор с берегов далекого Нила – РА, имеющий кучу дочерей, но не имеющий прямого наследника. Таким образом, Гостомысл являлся прямым наследником Римского трона. Но только при условии, что если бы в Риме была монархия, а не, как теперь, республика.

Римское государство состояло из многочисленных городов – царств. Царей выбирали сами граждане этих городов и после получения римского одобрения они приступали к царствованию. В основном, их обязанностью были сбор и отправка налогов в Рим и охрана границ

своего царства. Должность эта, если царь справлялся со своими обязанностями хорошо, могла быть пожизненной, но не наследственной. Вместе с Царем выбирали совет старейшин. И царь, и совет, утверждались Римским Сенатом и подчинялись Риму.

Город имел собственные вооруженные силы, но кадровыми были только охрана и полиция. Остальную часть войска, составляли все взрослые мужчины проживающие в этом полисе. Причем богатые жители служили в кавалерии, средний класс, в тяжелой пехоте, а беднота во вспомогательных войсках. Но это в случае нападения. Командующий войсками, назначался советом старейшин – Сенатом, и наделялся на время ведения боевых действий неограниченными полномочиями, становясь императором, поскольку получал от Сената особую грамоту – Империиум. При этом полномочия его действовали лишь за пределами города, на территории, где велись или планировались боевые действия, территория эта временно именовалась империей. В самом городе, его власть ограничивали избранные народом старейшины и царь.

Им надлежало продержаться лишь до прихода подкрепления из Рима, с назначенным на этот случай Римским Императором, к которому по прибытии и переходила вся власть. И царь, и Сенат этого города попадали под власть назначенного Римом Императора, вплоть до выяснения обстоятельств военного конфликта и его успешного разрешения.

В самом же Риме, царя не было, там правил выбранный народом Сенат.

Но так было не везде. На Руси, существовали свои правила, и свои правители – князья, они имели право передавать свой титул по наследству, и могли выбрать князя князей – Великого князя, и назначить столицей тот город, в котором этот князь проживал.

Великому князю, выбранному на совете князей, обязаны были подчиняться все остальные князья, но этот титул был временным и действовал до тех пор, пока выбранный Великий князь справлялся со своими обязанностями.

На Руси, уже давно Великим князем был выбран Гостомысл, и он же получил от них Империиум. Он стал не только Великим князем и Императором, но и царем Всея Руси для всех оседлых народов, проживающих в его владениях, и Великим ханом для кочевых.

Вот только народы эти в большинстве своем, ничего об этих делах не ведали, потому, что находились за многие тысячи километров от своего владыки.

Гостомыслу достался от предков огромный кусок, еще не освоенных и не покоренных земель, от Русского моря, и до самых дальних восточных и северных уголков Евразийского континента. Его необузданная империя превосходила размерами все известные владения Рима, и он помышлял о том, чтобы создать своё, собственное Великое царство, не уступающее величием Риму. Для этого, ему нужна была мощная, мобильная армия, не имеющая аналогов в существующем мире. Способная совершать молниеносные переходы на многие сотни и тысячи километров.

Сам князь, имел слишком преклонный возраст, чтобы держать в своих руках такие обширные территории, и он с согласия князей высказанного на собранном по этому случаю Вече, передал Империиум своему зятю, талантливому Римскому полководцу Юрию, прозванному солдатами Длинноруком.

Юрий женился на средней дочери Гостомысла – Ольге, которая в декабре должна была родить Юрию наследника.

Резиденция князя находилась на реке Клязьме, где-то в её среднем течении. Андрей слабо представлял себе эту географию. Ему и в том мире ни разу не приходилось бывать в этих местах. Уруслан Сарай находится примерно километрах в двухстах севернее от резиденции, на берегу Волги. Которую Овлур назвал Ра, и добраться сюда из Великокняжеской резиденции можно только зимой. Летом мешают непроходимые болота, и бесчисленные реки, и речушки, от которых в мире, откуда пришел Андрей, уже давно не осталось и следа.

Глава 3

Андрей всё же побывал в гостях у атамана Уруслана. Уруслан встретил их с Овлуром вполне гостеприимно, напоил, накормил и спать уложил, но по расположению стана, охранявшего Сарай, прогуляться не пригласил. Зато во время гулянки рассказал много интересного. И даже показал предполагаемую карту еще не освоенных владений Гостомысла.

Карта была так себе, ни масштаба, ни точности и не гарантировала, но Андрею было достаточно лишь взглянуть на неё, чтобы понять весь грандиозный замысел Великого князя.

Она распространяла будущее влияние князя на всю территорию от Черного и Балтийского моря, до Тихого Океана, и включала в себя земли Индии и Китая. И хотя никаких таких, привычных названий на ней, конечно и в помине не было, Андрей сразу же понял, о чем идет речь. Всё что находилось восточнее и севернее Уральского хребта, называлось Тобол, а на западе, Дания и Норвегия были обозначены как Данморк. А вся эта грандиозная страна, которую Андрей знал, как Русь, на карте, называлась Великая Свитьод – Скифия.

Тобол, как оказалось, это имя деда Гостомысла, разделившего когда-то вместе с братьями, по сути целую планету, но так и не вступившие пока свои права.

Старший брат Тобола, Тарк, получил во владение Балгароланд, Унгароланд, Сакланд, Франкланд. А Тобол, кроме земель, обозначенных на карте, получил Спаниаланд, Румверьяланд, Данморк и Свитьод.

Всеми этими странами, кроме Тобола, в данный момент, правил Рим, и претендовать или оспаривать у Рима право на владение этими землями, ни Гостомысл, ни потомки Тарка не собирались, пока.

Андрей указал Уруслану на неточности, которыми изобиловала карта, и Уруслан проникся, вмиг протрезвел.

– Ты, что, бывал в этих землях? – спросил он, пристально глядя Андрею в глаза. – Не ошибаешься?

Андрей выдержал взгляд Уруслана.

– Не ошибаюсь, – сказал он. – Память хитрая штука, кое-что сама выдаёт, без моего ведома.

– Молчи, больше ничего не говори, ни мне, никому бы то ни было, – положил руку на стол Уруслан. – Как только мороз ударит, к князю поедем, там всё и расскажешь.

Уруслан больше никуда Андрея из своего лагеря не отпустил. Слишком много знал и умел этот странный найдёныш и его, было безопаснее убить, нежели потерять. А то, что в его войске могут находиться люди работающие на Рим, Уруслан никогда не исключал. Из расположения лагеря, Андрея умыкнуть не просто, а вот например из посёлка Овлура, гораздо проще.

– Как реки встанут, к князю с тобой поедем, – пообещал Уруслан Андрею. – А пока, у меня к тебе просьба. Хочу Гостомысла удивить. Не мог бы ты, в нашей кузне, научить кузнецов сабли и стремена ковать, а шорникам объяснить, как седла сшить правильные.

– Конечно, всё что умею, покажу и расскажу, – ответил Андрей.

– Нет, как раз, всё не нужно. Кому из кузнецов надлежит научиться ковать харалук, князь сам решит. Не гоже, чтобы такое умел каждый кто захочет. И бою, которым ты меня обезоружил, даже меня учить без дозволения князя не смей.

– Как скажешь, – пожал плечами Андрей.

«Понятное дело, что кого ни попадя учить делать качественное оружие не стоит. Как не стоит и боевым искусствам обучать всех без разбора. Встретишь такого в бою на свою голову, – думал Андрей. – Нет, с этими ребятами, ухо нужно держать востро и быть начеку. Слишком продуманные. Если посчитают, что такого как я легче убить, чем секреты мои врагу раскрыть. Убьют, не задумываясь. В целях безопасности так сказать.»

В связи с этим, предстоящая поездка к князю, Андрея не радовала.

Советник

В путь двинулись, когда ударили крепкие морозы. Большой караван, под охраной сотни закованной в броню пехоты медленно вытягивался из Сарая. Первые сани, нагруженные мёдом, рыбой, и прочими дарами приволжской природы уже исчезли в морозном мареве, а последние, еще только начинали движение.

Андрей прощался с Урусланом, который не мог оставить службу и поехать вместе с ним и Овлуром, назначенным старшим над охраной каравана.

– Держи, – Уруслан сунул Андрею, запечатанный сургучовой печатью свиток. – Отдашь лично в руки либо самому Великому князю, либо Юрию, его зятю, если он конечно не в Риме сейчас. Овлуру поручено оберегать тебя, пуще чем сам караван, твои знания о далеких землях, чую я – подороже рухляди будут.

Андрей не стал спорить с Урусланом, он был прав, и если Великий князь действительно решил завоевать эту половину мира, то знания, которыми обладал Андрей были действительно бесценны. Но он не знал, что земли эти считались не доступными, и запечатанными великой печатью, не позволявшей смертным входить, или покидать Тобол.

Поэтому, так удивился Уруслан, когда Андрей сказал, что бывал в этих землях, это означало, что теперь, путь в Тобол снова открыт и именно Андрей, знал об этом пути. Обстоятельство само по себе невероятное, а потому важное.

Андрей лежал в санях шедших посередине каравана, лошадь, любезно выделенная ему Урусланом бежала следом привязанная к саням за длинный повод, и на ходу то и дело выдерживала из саней клочки соломы.

Утренний мороз накрепко сковал снежный наст, который хрустел под полозьями навевая на тепло укутанного Андрея сон. Свойства, полученные им еще в том мире, постепенно возвращались к нему, и организм то и дело перестраиваясь еще нуждался в дополнительном отдыхе. Караван постепенно снизил темп, и теперь плелся еле-еле. Где-то впереди, были глубокие снежные заносы, и передним лошадям приходилось пробивать себе дорогу в глубоком снегу. Возницы то и дело меняли сани местами, давая отдых шедшим впереди, отправляя их в конец каравана.

Охрана ехала в санях, распределившись по всей длине обоза. Нападения конных татей в таком снегу не опасались, да и вообще никого не опасались. Напасть на такой большой обоз могли только хорошо вооруженные, имеющие в своём распоряжении не менее трех сотен разбойников лесные атаманы. Но они промышляли летом, по берегам судоходных рек, в основном на порогах и волоках, и предпочитали нападать на купцов, всячески избегая столкновения с князьими воинами. Чинить разор Великому князю себе дороже. Можно легко и голову потерять.

Степняки, те тоже зимой никуда не совались. Зимой, по заснеженной степи далеко не побегаешь.

Так что, охрана была скорее для солидности, положенная по князьему статусу, чем для защиты от татей.

За день прошли километров двадцать, не больше, и остановились на ночлег в лесном селении, отгороженным высоким бревенчатым тыном.

В селении их встретили такие же, как Овлур воины ополченцы, задачей которых являлось как раз оберегать этот зимник от разбойничьего люда. Здесь же был хорошо организованный постоянный двор, в котором с легкостью разместился весь прибывший обоз.

Людей Овлура встретили, как родных, и повели в огромный рубленый двухэтажный дом. Возницы же, в основном крестьяне, рыбаки и охотники, все сплошь бородатые мужики – отпра-

вились в другое, такое же добротное строение, расположенное рядом с конюшней, где они разместили выпяженных из саней лошадей, им спиртное не полагалось.

Андрей уже знал, что несмотря на то, что встретившие их поселенцы, как и Овлур, и возницы, носили бороды, они все же являлись людьми служивыми, что-то на вроде казаков в том, покинутом им мире.

Стол буквально ломился от огромных, жаренных, копченых и тушеных с овощами мясных деликатесов, а ведь ещё была и рыба, и полные чаши черной осетровой и красной щуцкй икры. Откуда-то прикатили несколько бочонков с солеными грибами и медом. Бабы напекли пирогов, и подали на стол необъятные кувшины с хлебным вином – как здесь называли водку, и с хвалебной речи произнесенной старшиной поселения в адрес Великого князя начался пир.

Андрея никто не знал, но вопросов не задавали, видимо это было не принято. Подбородок Андрея уже основательно зарос густой бородой и его не относили к разряду воинов и считали таким же поселенцем как сами.

Небольшая заминка произошла лишь когда гости рассаживались за столом. Здесь каждый знал своё место, и тщательно следил за тем, чтобы оно соответствовало его статусу. Статус Андрея еще не был определен, но Овлур усадил его рядом с собой по правую руку, подчеркнув тем самым высокое положение Андрея среди поселенцев Уруслан Сарая.

Далеко за полночь, набравшегося мёдом Андрея отвели на второй этаж и уложили на медвежью шкуру. В помещении слабо теплилась сальная свеча, закрепленная на закопчённой стене.

Андрей развалился на спине, широко раскинув руки и ноги. В ногах что-то зашевелилось. Андрей моментально соскочил с кровати и схватил за волосы какое-то пискнувшее существо, и тут к нему вдруг вернулась его способность видеть в темноте.

В кулаке его левой руки была крепко зажата девичья коса, на него испуганно смотрела совсем еще молоденькая девчушка, в её карих глазах читался дикий ужас.

– Ты что здесь делаешь? – спросил ошарашенный Андрей, всё еще сжимая её косу.

– Хозяин послал, – пискнула девчушка.

– Зачем? – всё ещё не понимал Андрей.

– Для улады, – заплакала девчушка. И тут до Андрея дошло. У него давно уже никого не было, и честно сказать, в свете последних событий он даже думать забыл об этом. Ломать местные традиции и лезть со своим уставом в чужой монастырь он не собирался.

Андрей отпустил девичью косу и погладил её по голове.

– Ну, ну, успокойся, для улады так для улады, – сказал он, заваливая девчушку на спину, благо одежды на ней никакой уже не было .

Выполнив свои обязанности девчушка тут же испарилась, выскользнула потихоньку из комнаты, стараясь не разбудить уснувшего Андрея, силы которого еще не полностью восстановились после перемещения.

– Вставай Андрей, – над кроватью у изголовья стоял полностью облаченный в броню Овлур. – Пора ехать, ну и здоров же ты спать.

– Разбудить тебя не могли, пришлось самому идти.

Андрей подскочил, не понимая, где находится, после сна, в котором вел бой с бандитами в Саянской тайге. Повертев ошалело головой, уставился на Овлура.

– Ты кто?

– Ты что, опять память потерял? – забеспокоился Овлур.

Но Андрей уже пришел в себя.

– Прости Овлур, сон дурной приснился, из прошлой жизни. Овлур понимающе кивнул.

– Одевайся, ехать пора, – повторил он и вышел.

Обоз уже вытянулся со двора и затерялся в лесу, Овлур и пятеро его телохранителей дождавшись Андрея, понеслись по утопанному снегу галопом в след за обозом. Завтракали уже в обозе, пересев с верховых лошадей в сани.

Следующую ночь провели в лесу. Растянувшийся обоз встал там, где его застали надвигающиеся сумерки. Опасаться в этих глухих местах было некого, но Овлур всё равно не забыл выставить вдоль обоза посты, чем заслужил уважение Андрея, который понимал, что расслабляться в пути смерти подобно.

Наконец, на третий день обоз выехал из леса на хорошо укатанную дорогу, лошади сразу же побежали веселей.

– Жильё чувят, – сказал Овлур. – Не далеко осталось.

И действительно, часа через два, когда они въехали на пригорок, впереди показались сначала золоченные маковки Церквей без обязательных в Том мире крестов на куполах, а потом и сложенный из белого камня замок, без рва и подъёмного моста, обязательных атрибутов, принадлежавших замкам из памяти Андрея. Не было видно и бойниц.

«Странный какой-то замок», – подумал Андрей.

Вокруг замка широко раскинулось обнесённое бревенчатым тыном с заостренными верхушками большое поселение, больше сотни рубленных на века изб, из труб медленно поднимались в синее небо дымки. Обоз двинулся к крайней избе, стоявшей снаружи деревянной стены, у больших дубовых ворот – въезда в поселение.

Изда оказалась постоялым двором с многочисленными конюшнями и складами. Всюду сутились какие-то люди. На прибывший обоз никто не обращал никакого внимания, и Овлур ускакал договариваться с хозяином постоялого двора о размещении обоза и людей. Андрей огляделся: изба представляла собой большой четырёхэтажный дом гостиницу, в которой с лёгкостью могли разместиться люди из десятка таких обозов как их.

Вокруг горели костры, на которых прямо под открытым небом готовили пищу для постояльцев. В воздухе стоял ароматный запах жареного мяса. Еще дальше виднелись торговые ряды, где несмотря на ранний час и мороз уже вовсю шла бойкая торговля. Судя по всему, купцов в город не пускали.

Прискакал довольный Овлур, сумевший договориться с хозяином о размещении его людей на льготных условиях, так как почти всё, что они привезли, предназначалось Великому князю.

Овлуру с Андреем, досталась комната на четвёртом этаже, с большим деревянным балконом, выходящим на поселение, и они теперь могли любоваться на происходящее за тыном. Правда окна почти отсутствовали. Через затянутые бычьими пузырями отверстия в стенах ничего не было видно, и, для того чтобы посмотреть на замок Великого князя. Им с Овлуром приходилось выходить на балкон.

«Летом, когда с окон снимают пузыри, здесь веселее, – подумал Андрей. – Правда комарья по всей видимости немеряно, но местные не обращают на них внимания.»

Вечером посетили общественную баню, в которой мылись и мужики, и бабы все вместе, без разбору. Тут же, за небольшую плату можно было попользоваться какую-нибудь из них, развратом это не считалось.

С утра Андрей посетил торжище. Рынок, его не впечатлил, оружие было не чета тому, что они привезли в дар Великому князю, которое Андрей ковал сам, по технологии усвоенной им ещё в том мире. А вещи и драгоценности, привыкшему к товарному изобилию двадцатого века Андрею, и вовсе показались убогими.

Овлур, сопровождавший Андрея в этом походе по рынку, был немало удивлен равнодушию Андрея к заморским ценностям.

– Ты верно был очень богатым человеком Андрей, – сказал Овлур с уважением. – Она с каким презрением смотришь на вещи.

– Да уж, приходилось и кое-что получше видеть, – подтвердил Андрей. Он хотел присмотреть на будущее какие-нибудь сапоги, но они почему-то были все на одну ногу, как валенки, без разницы, на правую или левую.

– Где-нибудь здесь можно обутьки себе сшить, – спросил Андрей.

В принципе, были бы инструменты, Андрей и сам мог бы сшить не плохую обувь, и даже колодки изготовить сумел бы. Но ничего такого у него не имелось, и поэтому приходилось надеяться на мастерство местных сапожников, если таковые имелись конечно.

– С той стороны поселка мастерские стоят, их не видать с этого места, – ответил Овлур. – Если хочешь, можем сходить.

Андрей хотел, и они, обогнув высокий забор из заостренных брёвен зашли в мастерскую слободу. Здесь располагались красильни, и обувные и портняжные мастерские. Шорники шили сбрую и сёдла, а кузнецы ковали необходимую утварь и мечи.

Правда оружие ковали не все, а только те, кому было дозволено Великим князем.

Изба сапожника стояла посередине слободы, и была отмечена особым знаком в виде висевшего над входом металлического сапога.

– Ишь ты, чего удумал, сапоги на каждую ногу отдельно шить, – удивлялся сапожник, когда Андрей стал объяснять ему суть его заказа. – Да у меня и колодок таких отродясь не было. И отец, и дед мой таких колодок не имели, да и никто не имеет, – пытался он вразумить Андрея.

Андрей долго объяснял сапожнику преимущества раздельно пошитой обуви, даже Овлур ошалело слушавший их спор, наконец уразумел выгоду от такого новшества. Но сапожник стоял на своём.

– Не бывает такой обувки, и всё тут.

– А если я сам сошью себе такие сапоги, у тебя в мастерской? – спросил Андрей.

«Спасибо Рамису, научил в своё время», – подумал Андрей.

– А давай, – загорелся сапожник. – Сошьёшь, я тебе бесплатно материал предоставлю, а коли нет, тогда в тройне мне за него заплатишь.

– По рукам, – улыбнулся Андрей. – С тебя липа на колодки, я их тоже сам выстругаю.

Андрей тщательно отполировал вырезанные из липы колодки, и приступил к пошиву сапог. Сапоги сильно отличались от тех какие носили в этих краях. Здесь в обиходе были мягкие, с коротким голенищем полусапожки. Андрей же сшил хромовые сапоги. Какие носили военные в его мире. Изнутри они были подбиты собачьим мехом. На всю работу он потратил сутки, в течении которых не спал и не ел. Сапоги получились очень изящные, с высоким голенищем, и очень тёплые.

Сапожник разглядывающий изготовленную пару сапог только цокал языком.

– Хороши! И где же ты так нашему ремеслу обучился?

Стоявший рядом Овлур не переставал удивляться способностям Андрея, оказавшимся не только талантливым кузнецом, но и сапожником.

Андрей решил одеваться так, как ему будет удобнее, а точнее так, как привык. Он заказал у портного галифе, подбитое тонким мехом и короткую меховую куртку. И еще он объяснил портному, как нужно сшить бурку и папаху. На куртке у него должны быть карманы, неслыханное для тех времён дело. В этом мире люди носили свое добро в специальных мешочках, обычно прикрепленных к поясу. Портной взялся выполнить заказ за два дня. За те деньги, которые обещал заплатить Андрей, это был вполне приемлемый срок.

Денег у Андрея ни копейки не было и он решил продать кое-что из выкованного им в поселении Овлура оружия. Овлур предложил Андрею продать один простой меч обычнойковки.

– Больше у тебя здесь всё равно никто не купит, денег не хватит. И не вздумай говорить, что сам ковал, у тебя разрешения нет на такую работу, узнает Великий князь, шкуру спустит. Скажи, в бою взял.

– Спасибо, – поблагодарил Андрей Овлура.

На свою беду, Андрей решил иначе и на следующий день прицепив к поясу саблю из харалужской стали, пошел на рынок.

Глава 4

Торговец, торговавший оружием долго с восхищением, рассматривал харалук.

– Хорош, хорош меч, необычный, но хорош, вот только у меня с собой нет такой суммы, и ни у кого нет, ты приходи в полдень, я куплю у тебя этот меч, – пообещал купец.

В полдень, когда Андрей, как и договаривались, пришел в лавку торговца оружием, его уже ждали.

Четверо воинов взяли его в кольцо.

– Меч на землю положи, – сказал старший.

Андрей хотел возмутиться, но торговец покачал головой.

– Это дружинники Великого князя, – сказал он, и Андрей подчинился, ссориться с правителем целого государства, где ему предстояло жить, было бы глупо и недальновидно.

– Молодец, – одобрил его покорность старший дружинник. – А теперь следуй за нами. Дружинники подобрали меч, и окружив Андрея, повели его внутрь поселения.

Они прошли так через весь посёлок, который Андрей видел с пригорка. В поселке им не встретилось ни одной женщины, ни одного ребёнка, зато здоровенных мужиков безбородых с длинными усами было хоть пруд пруди. Из увиденного Андрей сделал вывод, что поселок является военным гарнизоном предназначенным скорее всего для охраны Великого князя и его семьи.

Путь их закончился у конюшен, где какой-то мужик в тулупе, гонял по кругу черного как смоль жеребца.

Воины поклонились мужику, и ткнули древком копья под колено Андрея, после чего он грохнулся на колени.

– Вот Батька, поймали на рынке, меч харалужской стали пытался Игнату продать, – сказал старший.

Батька отдал длинный повод подбежавшему слуге, и не спеша подошел к Андрею всё еще стоявшему на коленях.

– Ты не воин, откуда у тебя меч? – спросил он, сдвинув брови. Старший услужливо ткнул Андрею древком между рёбер.

– Отвечай!

Андрей стерпел.

– Это мой меч, я его в бою добыл, – ответил он, глядя в глаза Батьке.

Батька взял в руки меч Андрея, осмотрел.

– Знатный меч, но странный какой-то, и без клейма. Меч оружие воина, и не простого, его заслужить нужно, а такой, как этот, может принадлежать только лучшему из лучших. И ты хочешь сказать, что смог одолеть в бою такого воина?

– Смог, – Андрей пожал плечами.

– А по обличью не скажешь, – усмехнулся Батька. Андрей действительно выглядел как обычный поселенец, скорее даже крестьянин.

– И кому же ты служишь воин? – с сарказмом спросил Батька. Андрей решил пойти ва-банк.

– Я служу сам себе, я княжич.

– Язык отрежу, смерд, – разъярился вдруг Батька. – Какого княжества, отвечай?

– Я прибыл издалека, моё княжество далеко отсюда, вы называете это место Тобол, – ответил Андрей.

Замахнувшийся для удара плетью Батька, остановился пораженный услышанным.

– Тобол говоришь, держи меч, – батька сунул Андрею его меч. – Сейчас я проверю какой ты воин, а останешься жив, поговорим какой ты княжич из Тобола.

Андрей поднялся на ноги, покрутил мечом разминая кисть.

Батька стоял шагах в пяти от него и то же крутил мечом, потом вдруг в прыжке, с разворота нанёс удар Андрею в голову, намереваясь снести её с плеч.

Меч со свистом разрезал воздух, но Андрея не задел. Не хватило каких-то пары пальцев до его горла, казалось он даже с места не сдвинулся, но батька всё же промахнулся. Этого просто не могло быть, следующий удар и последующая за ним целая серия успеха не принесла. Андрей стоял там, где и был, целый и невредимый.

Андрей специально уклонялся от ударов Батькиного меча не слишком быстро, так, чтобы тот все же заметил, как он это делает. Иначе могут принять за колдуна, и фиг его знает, как они к колдунам относятся в этом мире?

Наконец Андрей сделал неуловимое движение мечом, и инкрустированный золотом и камнями парадный меч Батьки оказался в левой руке Андрея. А еще через мгновение уперся под подбородок своего бывшего владельца. Батька застыл на месте.

Дружинники, забыв закрыть отпавшие челюсти дернулись было на подмогу своему начальству, но Батька остановил их движением руки. Андрей повернул меч рукоятью вперёд и протянул его опешившему Батьке, который чуть было не отправился на встречу со своими героическими предками.

– Верю, знатный воин, – сказал Батька, пряча своё оружие в ножны. – Меня никто одолеть не мог. Но вот насчёт Тобола... Значит, Тобольский князь, говоришь?

– У нас это место по-другому называется, Алатырь, – ответил Андрей.

– Алатырь, – попробовал на слух произнесённое слово Батька. – Красиво. Взять его, – указал Батька окружившим их воинам, запирайте его в подвале и палача позовите.

Андрея скрутили, больно стянули за спиной руки и обмотали их у локтей крепким сырым ремешком. Андрей даже не думал сопротивляться, хотя мог и ремешок этот легко порвать и с воинами разобраться, но такая конфронтация с княжскими людьми в его планы не входила.

В подвале, здоровенный рыжий детина в кожаном забрызганном кровью фартуке на голое тело, легко поднял Андрея и подвесил прямо за ремешок которым были связаны руки на железный крюк в потолке.

Палач все делал молча и обстоятельно, без суеты, сразу было понятно, что это его обычные рабочие будни. И что своё дело он знал и выполнял добросовестно.

«Больно однако, метнулась в голове у Андрея и назойливо зажужжала шальная мысль, а вот к такому меня Хорват точно не готовил, интересно, выдержу, или заору? Или может ну его на фиг, в героя партизана играть, порвать веревки, завалить палача и свалить. Или просто сделать так, что палач сам его развяжет и даже выведет из города.»

В таком положении пришлось провисеть около часа, или может просто время остановилось, до тех пор, пока в подвал не вошел и грузно не опустился на табуретку Батя.

Палач снял Андрея с крюка и поставил перед Батей на колени.

– Ты забыл или даже не знаешь о том, что войти и выйти из Тобола невозможно уже несколько веков, оттуда нет выхода, – Батя смотрел Андрею прямо в глаза, смотрел пристально. – И сейчас ты расскажешь мне кто и за чем послал тебя. Зачем кому-то понадобилось, чтобы князь или я вновь заинтересовались Тоболом?

– Я не обманываю, я действительно прибыл с Алатыря, но я почти не помню как, я был серьезно ранен когда меня подобрал Овлур и его люди, я прибыл к Великому князю с письмом, которое должен передать либо лично князю, либо его зятю Юрию, оно здесь, – Андрей показал головой на рубаху. – Ты же, Юрий? – спросил Андрей.

– Юрий, – ответил Батя вытаскивая из-за пазухи Андрея письмо от атамана.

Юрий

– Ну пойдем, расскажешь мне как ты прошёл непроходимое, – пригласил Батька Андрея в свои хоромы – тот самый замок, который Андрей еще недавно разглядывал с балкона постоялого дома.

Дружинники двинулись следом за ними.

Замок был не большой, но очень уютный и светлый, а внутри богато обставленный изящной, со вкусом изготовленной мебелью, во всем его быте чувствовалась женская рука.

– Это моя Олюшка постаралась, я ведь редко дома бываю, служба, – Батька уловил заинтересованный взгляд гостя, и утвердительно кивнул.

Они прошли в трапезную. Слуги тотчас накрыли на стол. Обедали вдвоем, выпили превосходного вина, и плотненько закусили, и лишь после этого, хозяин попросил Андрея рассказать зачем, а главное как, он пожаловал к ним из такого далека.

– Как я вышел из Алатыря и оказался на острове, я не помню. Но кое-что, возможно вспомнить смогу. Я ведь когда карту увидел, тогда и в голове что-то прояснилось, – сказал Андрей.

– Ну, значит попробуем ещё раз.

Батька достал из сундука карту Тобола и развернул её на столе.

– Сможешь показать на этой карте, в каком месте твоё княжество? – спросил он.

– Эта карта не точная, – ответил Андрей. – На ней отсутствует слишком много всего, что там на самом деле находится. Я прибыл вот из этого места.

Андрей уверенно ткнул пальцем в то место где, по его мнению, должны были быть Алтайские горы, но которые, почему-то не были на ней обозначены. Карта была такая же, как и у Овлура, убогая. Видимо кто-то, когда-то, ходил в те места, а остальное было нарисовано с чьих-то слов. У рек не было начала и конца, материковые контуры не имели ничего общего с действительностью.

– Здесь вообще, всё не так как на самом деле, – задумчиво произнёс Андрей.

«Но хотя, кто его знает, – подумал Андрей. – Может в этом мире, они такие и есть? И может нет здесь никакого Алтая? Тогда я попал.»

– А чего именно не хватает на этой карте? – спросил Юрий.

– Ну например: вот эта синяя ниточка посередине на самом деле очень полноводная и протяженная река, которая разрезает Тобол на две половинки. Она берет своё начало от слияния двух рек вот где-то здесь, – показал Андрей – Но, это место в горах, которые на карте никак не обозначены. Мы называем эту реку Обь и по ней можно спуститься до студёного моря.

– А скажи, в Тоболе много городов, и какие они? Есть ли там сады и сколько хлеба выращивают жители Тобола? – поинтересовался Юрий.

– Весь Тобол когда-то был под толщей льда и сейчас лёд растаял и никаких городов там нет. Там полно степей и не высоких, поросших лесом гор, а на севере, сплошная тундра. То

есть, по сути та же степь, но поверх льда. В Тоболе очень много зверя, а людей наоборот, очень мало. Алатырь, это горная часть Тобола, где горы гораздо выше, – ответил Андрей. – И вообще: климат там довольно суровый, с длинными и морозными зимами и коротким жарким летом, короче чем здесь.

– Значит, лёд давно сошёл, – задумчиво произнёс Юрий. – Меня интересует, возможно ли сейчас, пройти вглубь Тобола? Есть туда хоть какой-то путь?

– Путь есть. Но дикие степные племена его охраняют. Это же их исконные пастбища. И пойти отсюда прямо, значит вступить с ними в войну и биться придётся весь путь.

– Ты же сказал, что людей там мало и они дикие, – усмехнулся Батька. – Что мы, с дикарями что ли не справимся? Одна хорошая битва и с ними будет покончено.

– Нет Батька. Их действительно мало и оружие у них так себе, только копыя, пращи да луки. Но они не придут на битву. Они будут бить везде где только возможно. Бить и уходить. Тебе придётся всю жизнь за ними по степи гоняться. Проще и безопасней зайти в Тобол с севера, – Андрей показал место на карте. – Вот здесь. Здесь не придётся всю дорогу со степняками воевать, вот тут самое удобное место, – ткнул он туда, где по его мнению должны быть Уральские горы. – Здесь большой горный хребет и конечно труднее идти, зато безопаснее, кругом тайга, зверя полным-полно, будет чем в пути подхарчиться. Но учти, карта эта очень неточная, и расстояния на ней не обозначены, ни один год придётся потратить, чтобы до края дойти. Лучше всего зимой, или осенью выдвигаться, реки встанут, болота замерзнут и гнуса не будет. Потихоньку, лет за пять дойдете. Ну а если летом идти, то лучше всё-таки с юга. Повоевать конечно придётся, но зато летом кормов в степи более чем достаточно. Только придётся идти большим войском.

«Батьку полученные от Андрея сведения приятно порадовали.

Ещё бы, такие перспективы открываются. А главное, если все же не врет этот воин или черт знает кто он вообще такой, в Тобол есть путь и он открыт. Древние печати утратили свою силу.»

– А сколько, по-твоему, воинов нужно иметь, чтобы пройти этот путь? – спросил Батька.

– Тысячи три – четыре и самых лучших, – уверенно ответил Андрей, и добавил. – Конных. Но это, чтобы завоевать, однако есть и другой способ.

Батька давно уже ходил по комнате, о чем-то думая.

– Скажи, княжич...

– Меня Андрей зовут, – перебил Андрей Батьку.

– Скажи, Андрей, а возможно ли вообще, завоевать эти земли?

– Завоевать можно, только известная тебе Римская тактика там не подойдет, – ответил Андрей. – Слишком громоздкая и не поворотливая Армия.

Батька остановился.

– Поясни.

– Как я уже сказал, в тех краях нет оседлых народов. Там нет городов, по крайней мере привычных тебе городов, нет крепостей, и чтобы покорить живущие там народы, их сначала найти нужно, а потом догнать. Но если их не приструнить, они жизни не дадут, будут потихоньку, как волки ослабленного оленя, отбившегося от стада из засады стравливать, и поверь, всех до единого пережуют, территория то огромная.

– И что ты можешь предложить? – вновь спросил Батька.

– Легкая конница, не более тысячи всадников, подготовленных особым образом, в бой не ввязываться. Наскочили, стрелами забросали и айда, целиться только в лошадей. Сначала найти и подмять самых значимых ханов, предложить им выгодные для них условия сотрудничества, пообещав поддержку в междоусобицы и золото, а дальше они сами со своими людьми разберутся. Данью не облагать, создать из их числа мобильные отряды и тогда можно будет подчинить себе весь Тобол. В общем, договариваться, а не воевать. А если и воевать, то не своими руками. Пусть они сами друг с другом воюют и тогда слабый, обязательно обратиться к тебе за помощью. Ты поможешь слабому победить сильного и в итоге, останутся лишь зависимые от тебя слабые.

Андрей заливал Юрию то, что читал когда-то в прошлой жизни о кочевых населявших древнюю Сибирь племенах. Но как обстоят в Тоболе дела на самом деле, он не знал. Как не знал ничего и о каких-то там печатях, запечатавших туда путь. Но ему очень нужно было попасть на Алтай и попытаться вернуться домой, а Юрий или Гостомысл, без разницы, были его единственным шансом. Не отправляться же туда пешком одному.

– У этих людей вся жизнь верхом, – продолжал заливать Андрей. – На коне рождаются, на коне и умирают. Поэтому, нужно находить их стойбища и первым делом угонять лошадей. Без них они не воины, их оружие копьё, лук, праща и ещё аркан, ими они владеют виртуозно, суслика на скаку на копье возьмут. Но в пешем бою, они не воины и вы их легко побьете.

Батька слушал, стараясь не пропустить ни одного слова.

– А как же твой Алатырь? – спросил он.

Андрей усмехнулся.

– Алатырь, – горная страна, туда лучше не соваться, увязните. Вообще, в горы и в тайгу не лезьте, во-первых, никого не найдете, только зря время потеряете и войско погубите, а во-вторых, – они сами придут, меха на всякую мелочь менять будут. Этим лучше торговлей выгодной взять, больше толку будет.

– Да уж, убедил ты меня, что не от сохи к нам пришёл, а как минимум, из войска. Но тогда выходит, что в Алатыре и войско имеется и судя потому какой ты, войско довольно сильное, – прищурился Батька. – И что же вы тогда весь Тобол к рукам не прибрали? Или прибрали, и ты меня сейчас в капкан тащишь?

– Не прибрали потому, что нам незачем, – ответил Андрей. – В Тоболе нет войн. Там у каждого народа своё место и всем всего хватает.

– А ты не глуп, Андрей, на любой вопрос, у тебя ответ имеется. Как насчет того, если я тебе предложу мне послужить?

– Я бы и сам хотел на службу к Великому князю попроситься, – ответил Андрей.

Батяка усмехнулся.

– Великий князь стар и немощен, он уже давно только на людях Великий князь. Все свои полномочия он передал мне, своему зятю, а когда у меня родится сын, то тогда он станет Великим князем.

– Значит, я согласен служить тебе, – склонил голову Андрей.

– Добре, – ответил Юрий. На этом их беседа закончилась.

Когда Андрей уже уходил, Юрий остановил его, и вручил увесистый мешочек с золотыми монетами.

– Я бы хотел купить у тебя твой меч, – сказал он.

Андрей отцепил меч от пояса и передал его Юрию.

– Это подарок, – сказал Андрей – И денег я не возьму.

– За подарок спасибо, но деньги всё равно возьми. Считай, это тебе на то, чтобы одеться. Не будешь же ты у меня бездоспешным служить. Жду тебя завтра утром, – сказал Юрий. – Возьми ещё и вот это, протянул он Андрею золотой медальон с изображением летящего сокола.

– Это знак всем, что теперь, ты человек Императора, мой главный советник по Тобольскому царству.

Как только Андрей вышел, открылась потайная дверь за книжным шкафом и оттуда появился не молодой уже человек.

– Возьми людей сколько потребуется и не спускайте с него глаз, – Юрий сунул в руку невзрачного на вид, похожего на средней руки торговца деревянную пайцзу с бегущей за зайцем лисой.

– Мы должны за ним только следить? – спросил человек.

– Не только. Вы должны его ещё и охранять. Чтоб с него ни один волос не упал, – ответил Юрий.

Поверить в то, что рассказал ему Андрей вот так сразу, было нельзя. И тут нужно прежде чем принимать решение, очень крепко подумать. И в первую очередь, постараться проверить

этого Андрея на предмет его связей с Римом. Вполне возможно, что кому-то очень понадобилось отправить войско Великого князя куда подальше. Хотя, Андрей говорит, что в поход должно отправиться ограниченное число воинов. Но, всё же.

В письме, присланное атаманом Урусланом по поводу Андрея, он как ни странно, ситуацию не прояснял, а скорее наоборот, запутал ещё больше. Нашли на берегу со смертельной раной от которой и следа не осталось, Юрий сам осмотрел в подвале голову Андрея. Карту Тобола он мог видеть где угодно, хоть в Риме, это не секрет. В Риме с легкостью отнеслись к тому, что эти области русы поделили между собой, пути туда все равно нет, об этом все знают.

Допрашивать Овлура насчёт того при каких обстоятельствах он встретил Андрея, Юрий смысла не видел, расскажет то же, что написал атаман. Овлур свой в доску и врать не станет. К тому же, он ведь не один был, когда нашёл и притащил в селение, этого странного во всех отношениях человека.

Овлур, уже не чаявший увидеть Андрея в живых обрадовался, как ребенок, и сразу кинулся его обнимать, ему нравился этот загадочный найдёныш, и он относился к Андрею как к брату. Он тискал Андрея в своих медвежьих объятиях, пока не увидел на груди Андрея золотой медальон – тамгу Императора.

Овлура как током шарахнуло, так резко он отпрянул от Андрея и поклонился ему в пояс.

– Прости княже, – сказал он. Золотая тамга с летящим соколом, говорила о принадлежности к высшей категории доверенных лиц Великого князя и Императора, и в основном это были люди княжеского достоинства.

Андрей не стал упираться. Князь, так князь. Теперь у него появилась цель. Андрей решил во что бы то ни стало добраться до Алтая и найти место из которого он сюда переместился, может быть там, он сможет прочесть надпись на амулете, и вернуться. А для этого, он должен иметь собственную дружину, ну может не собственную, но хотя бы быть в составе этой дружины и не рядовым воином. Андрею нужна относительная свобода передвижения и возможность самому определять маршрут движения дружины в Тоболе.

Рим, как понял Андрей из уже собранных и пока ещё отрывистых сведений, был не просто городом, а городом мировой администрации в одном лице. Сколько-нибудь серьезные решения чего бы они не касались, необходимо было утверждать в этой администрации, туда же стекались и все собранные налоги. Любые такие действия без согласования и утверждения Римом, считались преступлением и карались очень сурово и без обычно присущей бюрократии раскачки.

Русь же, как смутно догадывался Андрей, готовилась к тому, чтобы выйти из-под влияния Рима и учредить собственный, подобный Римскому административный центр. А вот для того, чтобы осуществить этот план, необходимо было значительно увеличить свои владения и желательно, чтобы они были больше того, чем владел Рим. В этом случае Рим уже не сможет заявлять, что он является центром мира.

Здесь что-то похоже на историю родного Андрею мира, а что-то вообще не так и очень хотелось бы, чтобы Алтайские горы оказались на месте.

Всю ночь Андрей не спал и пытался выработать хоть какой-то план действий, учитывая возможные исторические и географические нестыковки. В голову ничего путного не приходило и решив, что утро вечера все же мудренее, Андрей под утро заставил себя поспать.

Утро здесь, как понял Андрей, начиналось с рассветом. Солнышко едва-едва показало своё присутствие на востоке, как вокруг всё засуетилось и пришло в движение. Запахло какими-то вкусами которые где-то готовили кухарки, захлопали многочисленные двери и затопали ногами многочисленные слуги. И не только слуги, а и вообще все поднялись.

Андрей понятия не имел, во сколько будет приличным нанести визит Юрию и поэтому, пришёл в замок едва рассвело. К его удивлению, Юрий уже не спал и похоже давно с нетерпением, ожидал его в трапезной, и как только Андрей зашел, сразу же усадил его за стол.

– Ну ты и спать! – то ли восхитился, то ли выразил недовольство Батка. – Или у вас там все, до обеда дрыхнут?

– У нас столь ранний визит считается неприличным и его могут оправдать лишь неотложные дела, – смутился Андрей.

– Считай, что наши с тобой дела, и есть самые неотложные. Садись за стол, покушай и будем о делах говорить, у меня к тебе много вопросов. Всю ночь не спал, думал над твоими словами. Вижу, во многом ты прав, и хочу с тобой посоветоваться, – сказал Юрий усаживаясь за стол напротив Андрея. – Ты на икорку налегай Андрей, – кивнул Юрий на чан с чёрной икрой. – Нет поди у вас там такого чуда?

– Ну почему же нет? Очень даже есть, – ответил Андрей зачерпнув ложкой икру и намазывая её на хлеб с маслом. – У нас там тоже много чего водится и даже то, чего нет здесь.

– Дайка попробую, как ты это делаешь, – намазал на хлеб смыслом икру Юрий.

– Ммм. Вкусно, – покачал Юрий головой. – А мы то тут, икру ложками едим, а вот так как ты, и в голову никому не пришло. Видно, у вас там что-то на вроде Рима. Там тоже любят вкусно поесть и побаловаться. Они вообще лёжа едят и руками. Был в Риме когда-нибудь? – как бы между прочим, спросил Юрий Андрея.

– Неа, – покачал Андрей головой. – Не приходилось ещё. Но думаю побывать.

– Придёт время, побываешь, – пообещал Юрий. – Но учти, Рим любит сильных и богатых и не терпит слабых и бедных. Сильных он любит потому, что Риму нравится наблюдать, как сильный в Риме, становится слабым, а богатых, за то, что богатый несёт в Рим деньги. Как курица, которая несёт золотые яйца, – рассмеялся Юрий. – Римляне считают, что их власть от Бога, а у всех остальных, власть должна быть от Рима. И только так и ни как иначе.

Андрей завтракал, слушал о чём ему говорил Юрий и думал о нём : «О Юрии по его просьбе ему рассказывал Овлур: императора Юрия воины боготворили. Он никогда не кичился перед ними, и в походах был с ними наравне. Спал в такой же палатке, как и они, или просто у

костра накрывшись плащом, и не терпел, когда к нему обращались по имени, велел называть его Батей. Хороший мужик наверное этот Юрий, по крайней мере по местным меркам. Крутой и справедливый. Не боится невзгод и смерти. По крайней мере, так о нём говорит Овлур. Но вполне может быть, что и врет. Ну или привирает. А вот мне, нужно знать о Юрии всё, и желательно без прикрас.

Очень хочется знать, на что можно здесь рассчитывать, на милость, или на смерть от рук палача. Хотя, со мной этот номер не пройдет.»

– Послушай, княжич, – сказал Юрий после того как Андрей позавтракал. – Я думал, как мне организовать своё войско для похода в Тобол и решил, разбить тысячу на сотни, мне кажется, так будет гораздо легче им управлять. Поставить над каждой сотней сотника который будет отвечать за свою сотню головой и назначить к нему заместителя на случай его гибели.

– Ты прав Батя, – кивнул Андрей. – Только сотню, нужно разбить на три части, а эти три части, каждую еще на десятки. Назначить над ними десятников, над тремя десятками старшин, а над сотнями сотников так будет еще удобнее, – сказал Андрей. – И заместитель, на случай если с командиром что-то случится, должен быть даже у каждого десятника.

– Добро, – улыбнулся Батя. – А ты я вижу, в военном деле лучше меня разбираешься. Или у вас там, всё именно так и устроено?

– Я разбираюсь только в том, что касается будущего похода в Тобол, – ответил Андрей. – А устроено у нас там, действительно всё именно так. Так что это не моя придумка и не такой уж я умный, как мог показаться.

– Хм, да ты не перестаёшь меня удивлять! Ну раз так, тебе и братья за это дело княжич, воинов для похода, будешь отбирать сам. И сам их в этот поход поведёшь. А заместитель у тебя будет, не сомневайся.

– Который голову мою тебе принесёт, если что-то пойдёт не так? – усмехнулся Андрей.

– А ты что, испугался что ли? – поднял бровь Юрий.

– А чего мне бояться то? Всё будет так, как мы решим.

– Мы? – опешил Юрий.

– Ну, мне показалось, что если б ты мог решить это дело без меня, ты бы со мной не советовался, – ответил Андрей.

– А ты не промах. И мне нравится, что ты со мной откровенен, – встал из-за стола Юрий. – Что ж, я тоже буду с тобой откровенен. Если всё пойдёт не по плану, я тебя уничтожу. Если ты окажешься не тем, кем ты здесь представился, я тебя тоже уничтожу.

– Вот и поговорили, – усмехнулся Андрей и тоже поднялся из-за стола. – Только вот поход в Тобол, дело гораздо серьезнее, чем ты себе представляешь и мало отобрать воинов, их ещё нужно обучить. И дело это, требует тщательного подхода, и не менее пяти лет подготовки. И еще, твои воины, для этого дела не годятся, – ответил Андрей.

– Это ещё почему? – нахмурился Юрий.

– Переучивать всегда труднее, – сказал Андрей. – И может, и даже скорее всего именно так и будет, что переучить их попросту не получится.

– То есть, ты мне сейчас говоришь, что никакого похода в Тобол не будет? – посуровел взглядом Юрий.

– Ну, почему же не будет, будет, но позже. Когда я воинов для похода подготовлю, – ответил Андрей. – Мне нужны мальчишки лет десяти от роду и через пять лет я подготовлю из них тех, кто нужен именно для такого похода.

– Пять лет? – обалдел от такой наглости Юрий.

– Ну, может быть шесть. Как дело пойдёт, – уточнил Андрей.

Юрий задумчиво поскреб щетину на подбородке.

– Добро, будет тебе тысяча отроков.

– Две тысячи, – поправил Юрия Андрей. – Во время обучения, половина может отсеяться. И две тысячи коней, каких я скажу, оружием я их сам обеспечу. Мне нужна кузница, и толковые кузнецы, и железо хорошее, – выдвинул условие Андрей.

– Будет всё, в чем возникнет необходимость, – пообещал Юрий.

Глава 5

Андрей выкупил у портного всё что заказывал, и щеголял теперь на лошади в новых хромовых сапогах, в папахе и бурке.

Наряд в этих местах доселе невиданный. Овлур однако, не оценил его новое одеяние.

– На ворону похож, – сказал он, когда Андрей примерил свой наряд. – Ишь, крылья расшеперил, – косился он на черную как ночь бурку. – Зачем она тебе, княжич, в тулупе ведь зимой то, гораздо теплей.

– В бурке тоже тепло, но в отличие от тулупа, она удобнее в бою, – ответил смеясь Андрей. – А что на ворона похож, так это ж хорошо. Враги бояться будут.

Андрей знал, что верченая стрела, пущенная из далека, не могла пробить густой мех бурки, равно как и мечом её не так-то просто разрубить. А в мороз под ней было не хуже, чем в овчинном тулупе.

Батке было пока что не до Андрея. Его супруга должна была вот-вот родить, и все его дела теперь крутились вокруг ожидания этого важного не только для Юрия, но и для всей Руси события. И наконец, этот день настал.

Ранним утром Ольга родила Юрию мальчика. На следующий день радостная весть облетела сначала посёлок, потом вырвалась за его пределы, и понеслась по просторам империи.

К замку счастливого отца потянулись гости с длинными обозами даров по случаю рождения княжича. Самыми первыми прибыли царь Балты со своей супругой в сопровождении воеводы, они же первыми и признали родившегося сына Императора и внука Великого князя царём всея Руси. Следом за ними признали новорожденного царём и все князья, решив таким образом прервать давнюю традицию выбирать Великого князя на вече, и вопреки Римским демократическим правилам, заложили первую в истории династическую линию Русских правителей.

Утверждать и согласовывать это решение с Римом, как и думал Андрей, никто в этот раз не собирался.

Никогда еще в истории Рима не было царей, наследовавших свой трон без одобрения Рима, и никогда царь не правил территорией большей чем территория одного города и его близ лежащих окрестностей.

Теперь же на Руси появился царь, объединивший под своей властью все Русские княжества, множество городов и огромную территорию.

Это был прямой вызов Риму, считавшему утверждение на царство своей прерогативой.

После грандиозного пира, длившегося целый месяц, Юрий, как и обещал, предоставил Андрею две тысячи подростков, и огромный кусок земли под строительство тренировочного лагеря для их обучения. Табун степных лошадей должен будет прибыть осенью. Для обслужи-

вания лагеря, Юрий выделил необходимое количество нужных специалистов. Детишки придут на обучение тоже осенью, после того как будет построено жильё для их проживания. Счастливые папаши своих чад, выбранных для прохождения воинской науки, сновали вокруг Андрея, не зная, чем ему угодить.

Для многих такое событие было единственным шансом изменить свой родовой статус и перейти из разряда землепашца, в воинское сословие. Такой переход, давал огромные по сравнению с имеющимися привилегии. Воин он и есть воин, и это уже пожизненно. И дети воина, никогда не станут никем, кроме как воинами. А его род, которому теперь он даст новое начало, будет воинским родом. И если за честь рода становились лишь родственники, то за честь воина, становились все воины, включая и княжью дружину. Попробуй, обидь такого. В общем, было от чего бегать за Андреем и стараться ему угодить. А самое главное, что всё это помимо взрослых, хорошо понимали и призванные на службу отроки, которые из всех сил старались не ударить в грязь лицом и не дай бог, не вылететь из отряда. На службе ведь можно серьезно поправить своё материальное положение, например, за счёт доли от добычи, на которую очень рассчитывали все, кому повезло попасть в отряд. И не только отроки, будущие воины, но и их родня.

А служба в специальном подразделении, подчинявшемся лично Императору, многим даже не снилась. Это было верхом мечтаний даже для седых, проливших немало чужой и своей крови, ветеранов. И чего греха таить, многие из них потихоньку роптали. А учитывая то обстоятельство, что для этого отряда набирали лишь отроков из беднейших слоев населения, так решил сам Юрий, ветераны у которых были свои сыновья, высказывали недовольство почти в открытую.

С этим нужно было что-то делать и Юрий собрал ветеранов на военный совет.

– Готовится поход из которого скорее всего, никто не вернётся живым, – объявил Юрий ветеранам. – Кто из вас готов отправить в этот поход своих сыновей?

– А почему сыновей то? – спросил седоусый воин. – Нас отправь, нам то уж всё едино помирать скоро. Так уж лучше в бою.

– Привычнее нам в бою то, быть, – закивали головами остальные. – В бою и умереть как-то сподручней.

– Старые вы уже для того похода, пожалуй можете не дойти до места. Долго идти придётся, боюсь по дороге помрете. Значит не хотите вы своих чад на убой отправлять?

– Не, ну если б шанс был, добыча какая никакая, а так, пошло за зря то гибнуть, – раздалась нестройные голоса ветеранов.

– Так чего ж вы воду то мутите! – ударил кулаком по столу Юрий. – Своих сыновей в поход посылать не хотите, а за чужих завидки берут? В общем так. Ещё раз хоть краем уха услышу шепоток насчёт дружины которую Андрей для похода набирает, прикажу их вашими чадами заменить.

Отправлять в Тобол на убой сыновей знатных людей было неправильно. И Юрий положил руку на сердце, в успех этого похода верил мало. Хоть и надеялся сильно, но всё равно не верил.

Кроме того, ему особенно не хотелось рубить под корень воинское сословие. А эти, которых из не пойми кого набирают в создаваемую дружину, скорее всего назад так и не вернуться. Жениться и родить детей не успеют, а значит, на них всё и закончится.

Родившегося царя всея Руси нарекли Андреем. Юрий забрал семью и уехал в свою Римскую резиденцию, куда его вызвали после того, как происходившие на Руси события дошли всё-таки до Сената.

Отказаться от этой поездки было нельзя, иначе, это выглядело бы поступком нашкодившего ребёнка, который нашкодил и спрятался от родительского суда. Юрий не собирался оправдываться, он собирался поставить Рим перед случившимся фактом, и всё.

Но всё оказалось гораздо серьезнее, чем предполагал Юрий. Рим такого своеволия прощать не собирался. Да и как он мог простить. Это был вызов! Вызов Римской гегемонии и принижение власти.

Суд

Рим встретил Императора Юрия не ласково. Хорошо знающие его, жившие по соседству с особняком Юрия чиновники, всегда приветливые и радушные, теперь старались с ним не встречаться, а при нечаянной встрече, делали вид, что они его не замечают и старательно прятали глаза.

На внеочередном заседании Сената, присутствовали представители Римского духовенства, раньше никогда не вмешивавшиеся в светские дела, что уже было необычно и до предела накаляло и без того напряжённую обстановку.

Заседание было закрытым, никто из Магистратуры на него допущен не был. По сути это был суд, только без присяжных, квиритов и консулов, суд одновременно гражданский и духовный.

Сенат предоставил первое слово Верховному жрецу Рима, из клана Сиурийцев, что тоже было необычно.

– Уважаемый Сенат и духовные лица, присутствующие на собрании, сегодня мы будем разбирать дело Императора всея Руси Юрия, по прозвищу «Длиннорукий», – начал свою речь Верховный жрец Рима. – Доселе, мы знали этого гражданина как ревностного блюстителя интересов республики, твердо соблюдавшего её законы, и бесстрашно защищавшего её границы от посягательства варваров. От имени Сената и народа Рима, ему была оказана высокая честь и доверие. Он получил Империиум наделивший его безграничной властью в переданных в его ведение землях, расположенных в восточных пределах Римской Республики.

Нам доподлинно известно, что Великий князь всея Руси Гостомысл, законно избранный Советом князей, не может исполнять свои обязанности должным образом ввиду почтен-

ного возраста. И мы закрывали глаза на то, что Юрий, без одобрения Сената фактически взял управление Русью в свои руки. Юрию, как Римскому чиновнику и Императору должно быть известно, что основополагающим постулатом Римской республики является секретный принцип «разделяй и властвуй». Что именно на этом принципе держится вся Римская государственность.

Однако Юрий, воспользовавшись сложившейся на вверенной ему территории ситуацией использовал её в своих личных интересах. И провозгласил собственного сына Царём всея Руси, объединив разрозненные княжества под единой властью царской короны.

Жрец говорил глухим голосом, не снимая с головы капюшона. Так что Юрий не мог видеть его лица.

– Когда-то, когда Рим еще находился в стране ТА – Кем, – продолжал говорить Верховный жрец. – Царь царей объединял под своей рукой светскую и духовную власть, являясь Государем и Верховным жрецом в одном лице. Тогда его называли Ка – Лиф. Цари ТА – Кема были потомками бога Хорса, и правили страной безраздельно, от имени и по праву божественной крови. Нам, жрецам, пришлось целое тысячелетие бороться за то, чтобы ограничить и разделить их власть. Ради этого пришлось перенести столицу Рима сюда, на берега далёкого Босфора. Мы истребили всех, как нам тогда казалось, потомков Хорса, оставив лишь тех из них, в ком, по нашему мнению, почти не было божественной крови. Теперь, последними из тех кому удалось тогда выжить остались лишь Гостомысл и Тарк.

Мы создали республику, и Сенат выделил этим полукровкам обширные земли в пожизненное владение. В надежде на то, что им никогда не удастся освоить эти дикие территории, и что они сложат свои головы вечно воюя с варварами, населяющими эти земли.

Теперь же, Император Юрий своими руками не только возродил почти исчезнувшую династию, но и готовит Армию для освоения их владений. Эта гидра, окрепнув, припомнит Риму все свои унижения, и похоронит республику под обломками, оставив после себя лишь руины. Я закончил, теперь вам решать, как поступить с человеком, с римлянином, предавшим интересы Римской республики. А я удаляюсь.

Юрий сидел, склонив голову, ошарашенный услышанным, он даже не подозревал, что стал вопреки своей воле врагом Рима, позволив князьям провозгласить его сына Царем всея Руси. Просто исполнив роль пешки в чужой игре, затеянной Гостомыслом и его сторонниками. Но теперь, было уже поздно что-либо переигрывать, время вспять не повернуть, и нужно бороться за жизнь своего сына и жены, оставшихся в особняке, и ничего не подозревавших, об нависшей над ними опасности.

Сенат Рима единогласно вынес решение отобрать у него Империум, лишить всех полученных ранее заслуг и привилегий, конфисковать имеющееся у него имущество, а семью, его самого, жену и сына, немедленно казнить, как лиц представляющих угрозу существованию Римской республики.

– От имени Сената и народа Рима, лишить Юрия по прозвищу «Длиннорукий» гражданства, и немедленно предать смерти путём сожжения на костре вместе с семьёй. Вызвать охрану, и сопроводить осужденного к месту казни, – закончил председатель Сената.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.